СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности . . . 8

Сокращения . . . 13

Введение: «Ревнители Севера»
глазами современников и потомков . . . 14

Глава 1. Россия и ее северные страны . . . 52

1.1. Три Севера России . . . 59

1.2. Инвентаризация имперской северной периферии . . . 80

1.3. От «Севера России» к «Русскому Северу»:
национализация имперской северной периферии . . . 99

1.3.1. «Как великая и славная, но древним совсем
незнаемая часть света, в Российской империи известна учинилась» . . . 99

1.3.2. Народы Севера России
на «цивилизационной шкале» науки XVIII века . . . 102

1.3.3. Бесхлебный край . . . 108

1.3.4. Северный парадиз естествоиспытателей и поэтов . . . 113

1.3.5. Северный вояж отставного секунд-майора П. И. Челищева . . . 116

1.3.6. Изобретение «Русского Севера» . . . 125

1.3.7. Переописание Севера России в период после Крымской
(Восточной) войны: дискурс русификации как модернизации . . . 133

Глава 2. Северное прожектерство: «Печорское дело» . . . 140

2.1. «Жезл торговли»: в поисках эффективной
национальной модели северного предпринимательства . . . 140

2.2. «Каждый проект — мечта»: феномен северного прожектерства
в 1830–1860-х годах . . . 151

2.3. В. Н. Латкин — «молодой человек… со свертком бумаг под мышкой» 158

2.4. Печорские экспедиции 1840-х годов . . . 171

2.5. Печорско-Обская компания . . . 185

2.6. Банкротство и судебные тяжбы . . . 202

Глава 3. «Чисто вписано в бумаги…»:
проблемы северной логистики . . . 210

3.1. «Глаз видит, да зуб неймет»: заготовка леса в Печорском крае . . . 212

3.2. «Вопрос чисто морской»: организация плаваний к устью Печоры . . . 223

3.3. «Новый северный путь»: (не)соединение Печоры и Оби . . . 244

Глава 4. Открытие морского пути в Сибирь . . . 273
4.1. Человек, который придумал Северный морской путь . . . 273
4.1.1. Архангельский гимназист и домашний учитель . . . 273
4.1.2. Сибирский золотопромышленник . . . 288
4.1.3. «Сидоровский графит» . . . 295
4.2. «Возбудить соревнование между мореплавателями»: кто поплывет в Сибирь? . . . 302
4.2.1. «2000 фунтов стерлингов… владельцу первого корабля, который войдет в устье Енисея» . . . 302
4.2.2. В поисках природных русских моряков: рекрутинговая кампания М.К. Сидорова на Белом поморье в середине 1860-х годов . . . 315
4.2.3. «Норвежцам не следует упускать из рук этого дела»: рекрутинговая кампания М.К. Сидорова в Норвегии во второй половине 1860-х — начале 1870-х годов . . . 321
4.3. Морской путь в Сибирь как глобальный и трансимперский проект 332
Глава 5. Северный вопрос . . . 374
5.1. «Прямые наши выгоды»: полемика о природных ресурсах Севера России . . . 374
5.2. Локальный, национальный и глобальный контексты «северного вопроса» . . . 395
5.3. Конспирологический тезис в риторике «ревнителей Севера» . . . 405
5.4. Север России и его «враги»: иностранцы, чиновники, ученые-либералы . . . 416
5.5. Культурные герои «ревнителей Севера»: Петр Великий и Михаил Ломоносов . . . 428
5.6. «Навигационный акт» для России: государственно-корпоративная модель колонизации северных окраин . . . 440
Заключение . . . 458
Избранная библиография . . . 479
Приложение. Данные о судах, ходивших в Сибирь или из Сибири в 1862–1905 годах . . . 511
Указатель имен . . . 550

Север? Какой искатель отправлялся на север? То, что положено искать, располагается на юге — смуглые аборигены, так? За опасностями и промыслом посылают на запад, за видениями — на восток. А на севере-то что?

Пинчон Т. Радуга тяготения /
Пер. с англ. А. Грызуновой, М. Немцова.
М.: Эксмо, 2012. С. 831

БЛАГОДАРНОСТИ

Идея этой книги возникла в процессе моей работы в нескольких научно-исследовательских проектах. В 2017–2019 годах мне посчастливилось принять участие в выполнении госзадания Минобрнауки РФ № 33.2257.2017/ПЧ на тему «Российские гавани Трансарктической магистрали: пространства и общества арктического побережья России накануне новой эпохи развития Северного морского пути». Это был совместный проект Лаборатории исторической географии и регионалистики Тюменского государственного университета (ТюмГУ), где я тогда работал, и Центра социальных исследований Севера Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), где я занимался изучением социальной антропологии. Проект представлял собой комплексное историко-географическое и социально-антропологическое исследование прошлого, современного состояния и перспектив развития «опорных точек» Северного морского пути. Тема так захватила меня, что я поработал во всех исследовательских группах. Как профессиональный историк, я, конечно, начал с погружения в библиотеки и архивы. Сначала моя жизнь была полностью подчинена расписанию работы читальных залов Российской национальной библиотеки, Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива Военно-морского флота и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, где я изучил множество интереснейших документов и озадачился рядом полезных, как мне думается, вопросов. Затем вместе с группой социальных антропологов из Центра социальных исследований Севера ЕУСПб — Ксенией Андреевной Гавриловой, Валерией Владиславовной Васильевой и Еленой Владимировной Лярской — я отправился в путешествие по «опорным точкам» Северного морского пути от Архангельска до Салехарда. Расписание наших передвижений сильно отличалось

от расписания работы читальных залов. Режим планирования в экспедиции имеет мало общего с размеренной работой в библиотеках и архивах, зато полевая работа дает возможность посмотреть на собранный по письменным источникам материал под иным углом зрения и — что немаловажно — получить личный опыт проживания пространства и общения с местными жителями, сопоставимый — пусть и весьма условно — с опытом героев моего исследования. Надеюсь, что мое участие в экспедиции было небесполезным для команды социальных антропологов, и, пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность коллегам-антропологам за возможность разделить с ними экспедиционные радости и трудности и обогатиться их знаниями и совершенно особым видением социальной реальности. Не менее полезным для моего исследования оказалось и участие, вместе с научным сотрудником геофака МГУ Надеждой Юрьевной Замятиной и научным сотрудником Лаборатории исторической географии и регионалистики ТюмГУ Федором Сергеевичем Корандеем, в историко-географической экспедиции в Дудинку и Норильск. Для меня это была прекрасная возможность открыть еще одну перспективу восприятия исследуемой проблемы, за что я глубоко благодарен коллегам-географам в надежде, что и мне удалось внести свою лепту в работу группы.

В ходе проводившихся в рамках общего проекта семинаров, коллоквиумов и круглых столов мне повезло познакомиться и обсудить некоторые промежуточные выводы моего исследования с известными специалистами по истории российской Арктики: научным сотрудником Арктического и антарктического научно-исследовательского института (Санкт-Петербург) Маргаритой Александровной Емелиной, научным сотрудником Центра арктических исследований Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург) Павлом Анатольевичем Филиным и доцентом Балтийского государственного технического университета «Военмех» (Санкт-Петербург) Михаилом Авинировичем Савиновым, за что я всем им чрезвычайно благодарен. Особенно ценными и вдохновляющими для меня были суждения о моих исследованиях научного руководителя проекта «Российские гавани Трансарктической магистрали: пространства и общества арктического побережья

России накануне новой эпохи развития Северного морского пути», члена-корреспондента РАН, руководителя Центра социальных исследований Севера ЕУСПб Николая Борисовича Вахтина, с которым осенью 2022 года раньше других я поделился мыслью о написании этой книги.

На формирование фокуса и концептуальной рамки исследования решающее влияние оказал опыт работы с коллегами из журнала «Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве» и Центра исторических исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург в совместном с Лабораторией исторической географии и регионалистики ТюмГУ проекте «Переосмысливая историю модернизации в имперской России и СССР: парадигмы освоения и развития как практика и языки социального и политического воображения» в 2021–2022 годах. Не могу не выразить искреннюю благодарность за сколь суровую, столь и полезную критику, советы и рекомендации Илье Владимировичу Герасимову, Марине Борисовне Могильнер, Сергею Владимировичу Глебову, Александру Михайловичу Семенову и Александру Дмитриевичу Турбину. Во второй половине 2022 — начале 2023 года мне выпала удача пройти стажировку в Центре исторических исследований факультета Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург по программе проектов «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ, в котором участвовала Лаборатория исторической географии и регионалистики ТюмГУ. Благодаря этой стажировке я продолжил работу в библиотеках и архивах Санкт-Петербурга и Москвы, а также выступил с докладами по теме своего исследования на ряде конференций и семинаров, среди которых наиболее важными для меня были выступление на семинаре факультета истории ЕУСПб, доклад в Центре исследований модернизации ЕУСПб и сообщение в Центре исторических исследований факультета Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург. Каждый раз я получал от коллег содержательные отзывы, конструктивные советы и продуктивные консультации, за что я безмерно признателен Амирану Тариеловичу Урушадзе, Дмитрию Яковлевичу Травину, Владимиру Яковлевичу Гельману, Павлу Валерьевичу Усанову, Татьяне

Юрьевне Борисовой, Николаю Владимировичу Ссорину-Чайкову и Марине Викторовне Лоскутовой. Во время стажировки в Центре исторических исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург мне довелось поучаствовать в обсуждениях близких по тематике моему предметному полю кандидатской диссертации Евгения Витальевича Егорова и выпускной квалификационной работы Ивана Денисовича Бурмистрова, чьи идеи оказали самое благотворное влияние на мои собственные размышления.

Очевидно, что более всего я надоедал рассказами о своей работе над этой книгой своим ближайшим коллегам из Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН и Лаборатории исторической географии и регионалистики ТюмГУ. Особую благодарность я выражаю заведующему названной лабораторией Сергею Александровичу Козлову — человеку, обладающему редким даром в равной степени мастерски владеть искусством администрирования и научного исследования. Во многом благодаря содействию Сергея Александровича мне удалось с максимальной эффективностью организовать работу над книгой. Коллеги Николай Игоревич Стась и Федор Сергеевич Корандей никогда не отказывались познакомиться с моими текстами и всегда делились проницательными комментариями по поводу прочитанного, за что я им глубоко благодарен. Выжить в забюрократизированном академическом мире, а тем более написать книгу очень сложно без «волшебных помощников», какими для меня были лаборанты и молодые ученые Юлия Романовна Дягилева и Александр Вадимович Казаков.

На завершающем этапе работы неоценимым подспорьем для меня были критические замечания, полезные рекомендации и щедрые советы научного редактора этой книги — ведущего специалиста по истории Северного морского пути второй половины XIX — начала XX века — кандидата исторических наук, доцента Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва (Красноярск), путешественника и искателя затонувших в Арктике кораблей Александра Евгеньевича Гончарова. Я глубоко благодарен Александру Евгеньевичу за его высокий профессионализм и внимательное отношение к моей рукописи. Поскольку наши подходы к предмету исследования не во всем совпадают, уже в процессе

обсуждения рукописи обмен мнениями в ряде случаев вылился в плодотворные дискуссии, которые, хочется надеяться, продолжатся, а с участием всех заинтересованных исследователей и читателей и приумножатся после выхода этой книги. Самые теплые слова благодарности за их труд и поддержку хочется высказать всем сотрудникам издательства «Новое литературное обозрение», и в первую очередь — редактору серии «Historia Rossica» Игорю Семеновичу Мартынюку. При этом, разумеется, всю ответственность за содержание этой книги несет только ее автор.

Особую признательность выражаю моей жене Юлии. Когда твой самый близкий человек не только любит тебя, но и понимает смысл твоей работы — это бесценно.

СОКРАЩЕНИЯ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи

БТК — Беломорская торговая компания

ВНИОРХ — Всесоюзный научно-исследовательский институт озерного и речного рыбного хозяйства

ВНИРО — Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии

ГААО — Государственный архив Архангельской области

ГОЛ — Геологическое общество Лондона (Geological Society of London)

ИВЭО — Императорское вольное экономическое общество

КГО — Королевское географическое общество (Royal Geographical Society)

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОДСРПиТ — Общество для содействия русской промышленности и торговле

ОДСРТМ — Общество для содействия русскому торговому мореходству, с 1898 года — ИОДСРТМ, Императорское общество для содействия русскому торговому мореходству

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи

РАК — Российская Американская компания

РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота

РГИА — Российский государственный исторический архив

РГО — Русское географическое общество, с 1850 по 1917 год — ИРГО, Императорское русское географическое общество

РОПиТ — Русское общество пароходства и торговли

РТО — Русское техническое общество

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

УВМС РККА — Управление Военно-морских сил Рабоче-крестьянской Красной армии

ВВЕДЕНИЕ: «РЕВНИТЕЛИ СЕВЕРА» ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

I

На протяжении большей части имперского периода российской истории обширные северные владения страны воспринимались ее правящей элитой как бесполезные окраинные территории, реликты Московского царства и Сибирского ханства, лежащие вне стратегических направлений российской политики и потому обреченные, по словам А. А. Кизеветтера, «на положение… заштатного, захолустного существования». В эпоху Великих реформ на фоне стремительно модернизирующейся «внутренней» России «заброшенность этого [Северного] края», исключенного из национальных промышленных и инфраструктурных проектов, «стала сказываться… еще резче»[1]. В то же время Север России занимал особое место в рамках русского националистического проекта консолидации нации внутри империи, предполагавшего переосмысление и «присвоение» различных частей имперского пространства как «русской национальной территории»[2]. Важной частью данного проекта была идеология

---

[1] *Кизеветтер А. А.* Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства. Вологда, 1919. С. 64. Только в первой четверти XX века, особенно в связи с началом Первой мировой войны, возникли государственные программы развития отдельных сегментов имперской северной периферии. См.: *Josephson P.* The Conquest of the Russian Arctic. Cambridge, MA, 2014. P. 3; The Barents Region a Transnational History of Subarctic Northern Europe / Ed. by Lars Elenius. Oslo, 2015. P. 183–186.

[2] *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С. 156; *Ремнев А. В.* Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 112–146; *Урушадзе А. Т.*,

«русского северянства», определяемая философом А. А. Кара-Мурзой как восходящая к М. В. Ломоносову и Г. Р. Державину литературно-философская традиция идентификации России как «Севера»[1]. Постепенно, к рубежу XIX–XX веков под влиянием славянофильской версии русского мессианизма Север Европейской России был переосмыслен так, что стал восприниматься более русским, чем сама «коренная» Россия[2]. Существенный вклад в этот процесс внесли «имперские посредники» (термин Дж. Бурбанк и Ф. Купера[3]) — региональные администраторы, общественные деятели и предприниматели, обладавшие локальным экспертным знанием и предлагавшие альтернативные модели воображения социально-политического пространства страны. Именно местные акторы часто выступали инициаторами экономических преобразований, или, как они говорили, «оживления» своего края, что подразумевало, помимо прочего, риторическое переопределение последнего как органической

Гром О. А., Дмитриева Н. В. Российская империя и национальные окраины: между теорией самодержавия и практикой управления // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 3. С. 835–853; *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, 1999.

[1] *Кара-Мурза А. А.* Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв.: Г. Р. Державин // Философские науки. 2016. № 11. С. 121–134; *Кара-Мурза А. А.* Концепция «русского северянства» в героических одах Г. Р. Державина (к вопросу о российской идентичности) // Политическая концептология. 2017. № 3. С. 187–194; *Кара-Мурза А. А.* У истоков «русского северянства»: споры о Ломоносове (конец XVIII — начало XIX вв.: Муравьев, Карамзин, Батюшков) // Полилог/Polylogos. 2022. Т. 6. № 2; *Кара-Мурза А. А.* У истоков «русского северянства»: споры о Ломоносове (первая треть XIX в.: Мерзляков, Грибоедов, Бестужев-Марлинский) // Полилог/Polylogos. 2022. Т. 6. № 2; *Кара-Мурза А. А.* «Северная» идентичность России как предмет цивилизационной самокритики (от Петра Чаадаева до Василия Шульгина) // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 2. С. 5–16. Современным вариантом «северянства» является подход А. В. Головнева. См.: *Головнев А. В.* Северность России. СПб., 2022. Северность России рассматривается и как ее перспективный бренд. *Казначеев С. М.* Сибирь и Север как брэнды русской культуры // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2005. Т. 3. Вып. 2. С. 75–80.

[2] См.: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2017. С. 97–98; *Гордин Я. А.* Паломничество в Страну Севера. Север в русской поэзии как историческое и метафизическое зеркало // Звезда. 2018. № 7. С. 231–264.

[3] *Burbank J., Cooper F.* Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton, 2010. P. 13–14.

части «национального тела». Казалось бы, бизнес-планирование не имеет ничего общего с изобретательством (в том смысле, который этому термину придал Л. Вульф[1]), представленным философами, естествоиспытателями, дипломатами, путешественниками и литераторами, однако исследования А. В. Крайковского, М. М. Дадыкиной и Ю. А. Лайус показали, что это далеко не так. И в первую очередь это касается Севера России.

Изучая проекты модернизации русских северных промыслов второй половины XVIII века, названные ученые обратили внимание на то, что все проекты можно разделить на две группы. К первой группе исследователи отнесли «кондиции» — списки условий, на которых предприниматель соглашался принять участие в предлагаемом ему властями проекте создания компании. Тексты кондиций были невелики по объему, они составлялись сухим деловым языком и имели ярко выраженную практическую направленность. Вторая группа проектов, которую исследователи обозначили как «прожекты», представлена документами иного рода. Это коммерческие предложения частных лиц, старавшихся изо всех сил продемонстрировать правительству выгоды от реализации предлагаемой идеи и убедить его оказать предприятию поддержку предоставлением субсидий и льгот. Целью всех прожектов было получение государственного покровительства[2]. Для этого использовались различные риторические приемы, включая пространные отсылки к истории и экскурсы в современные научные труды. Отчеты академических экспедиций давали прожектерам аргументы о бесчисленных «естественных» богатствах Севера России, для извлечения которых требовалось, как утверждалось, лишь протянуть руку. А. В. Крайковский, М. М. Дадыкина и Ю. А. Лайус подчеркивают, что авторы

---

[1] *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М., 2003.

[2] *Крайковский А. В., Дадыкина М. М., Лайус Ю. А.* Природные ресурсы Шпицбергена и проекты преобразования русских морских промыслов в XVIII в. // Экологическая история Сибирского Севера: перспективные направления исследований. Материалы Всероссийского научного семинара 15–16 октября 2015, г. Сургут. Сургут, 2015. С. 83; *Kraikovsky A. V.* The governmental projects of modernization of herring fisheries in Russia // Fishes — culture — environment through Archaeoichtyology, Ethnography and History. The 15th Meeting of ICAZ FRWG. Environment and Culture. Vol. 7. Poznan, 2009. P. 96–98.

северных прожектов были убеждены, что «Россию „снабдил Бог“ такими природными богатствами, которых другие европейские страны не имеют, и она поэтому в состоянии всем необходимым сама „довольствоваться и наслаждаться своим изобилием“, практически ничего не „заимствуя“ из других стран. Поэтому „провидение вразумляет“ покровительствовать развитию коммерции, под которой автор подразумевал не только торговлю, но также и производство товаров, систему кредита, развитие транспортной инфраструктуры»[1]. Иначе говоря, прожекты представляли собой целые политико-экономические трактаты, переописывающие северное имперское «захолустье» как важнейший ресурсный регион. В основе всех прожектов лежала та мотивация, которую Дж. Мокир называет откровенно рентоискательской[2]. Под рентой при этом понимается такая «отдача от экономического актива, превышающая отдачу, которая может быть получена от лучшего альтернативного использования этого актива», достижение которой обеспечивается не через инновации, но благодаря получению от государства привилегий и особых прав[3].

Эта книга посвящена небольшой группе людей (насчитывавшей едва ли десяток человек), которых современники называли «ревнителями Севера». Ее образовали авторы амбициозных прожектов (здесь и далее мы используем это слово без всякого уничижительного смысла, но только в том значении, каким его наделили А. В. Крайковский, М. М. Дадыкина и Ю. А. Лайус), нацеленных на промысловое освоение Севера России в рамках частно-государственного партнерства. Точнее говоря, они стремились к извлечению ренты посредством создания покровительствуемой правительством, защищенной от конкуренции и обеспеченной бюджетными субсидиями компании. Деятельность «ревнителей Севера» пришлась на 1840–1870-е годы, пройдя сквозь несколько важнейших этапов российской позднеимперской истории. Они действовали именно в тот период, про который М. Могильнер

---

[1] *Крайковский А. В., Дадыкина М. М., Лайус Ю. А.* Природные ресурсы… С. 83.

[2] *Мокир Дж.* Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг. / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М., 2017. С. 243.

[3] *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Уэланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М., 2011. С. 65.

справедливо заметила, что он «принципиально не описывается каким-то одним доминантным нарративом: ни традиционалистским, ни модернизационным, ни „полумодернизационным“, ни национализирующим, ни революционным»[1]. То же самое относится и к самим нашим персонажам — перечень контекстов их деятельности и социальных ролей был чрезвычайно широк. Наиболее яркие представители группы и главные герои нашего повествования — В. Н. Латкин (1810–1867) и М. К. Сидоров (1823–1887) — проявили себя в качестве предпринимателей, золотопромышленников, путешественников, публицистов, меценатов, устроителей выставок и пр. Это были люди особого типа. Их отличительной характеристикой был тот неподдельный энтузиазм, с которым они пропагандировали свои прожекты и то упорство, с которым они пытались их реализовывать. Эти люди буквально «болели» Севером, точно так же как другие заражались «золотой лихорадкой», железнодорожным строительством или азартом биржевых спекуляций[2]. Их, как жюль-верновского капитана Джона Гаттераса, неудержимо влекло на север[3]. Данное им прозвище — «ревнители Севера» — не являлось, как может сейчас показаться, ироничным. Библейский словарь Брокгауза в статье «Ревность» сообщает: «Р<евность> человека — это проявление страстей, чаще всего греховных (Песн 8: 6). Но Библии известны и самоотверженная Р<евность>, и Р<евность> (усердие) в добрых делах (Гал 4: 18)»[4]. Именно в последнем значении слово «ревность» и его производные использовались в рассматриваемом случае. «Во всех делах такого человека виден особливый дух ревности, который, так сказать, оживляет их и отличает

---

[1] *Могильнер М.* Homo imperii. История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М., 2008. С. 9.

[2] См.: *Агапов М. Г., Клюева В. П.* «Север зовет!»: мотив «северное притяжение» в истории освоения Российской Арктики // Сибирские исторические исследования. 2018. № 4. С. 6–24.

[3] Опубликованный в 1864–1865 годах роман Жюля Верна «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» впервые вышел на русском языке в 1870 году и пользовался большим успехом у широкой публики. *Брандис Е.* Жюль Верн в России // Жюль Верн. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 12. М., 1957. С. 670–678.

[4] *Ринекер Ф., Майер Г.* Библейская энциклопедия Брокгауза / Пер. с нем. Иванова В. М. и др. Кременчуг, 1999. С. 830.

от дел людей обыкновенных»[1]. Эти слова Н. М. Карамзина полностью применимы к нашим персонажам. «Мир твоему праху, неустанный ревнитель Севера», — написал в некрологе М. К. Сидорова в июле 1887 года главный редактор журнала «Русское судоходство» М. Ф. Мец[2]. «Известным ревнителем Севера» называл М. К. Сидорова советский исследователь Арктики В. Ю. Визе[3]. «Северными „ревнителями“» именовал М. К. Сидорова и его последователей сибирский журналист и писатель А. К. Омельчук[4]. Наконец, М. К. Сидоров и его ближайшие сторонники и сами характеризовали свою деятельность как «ревность»[5], а самих себя как «защитников Севера»[6]. Не скупившиеся на эпитеты современники называли их также «ходатаями за Север»[7], «деятелями по Северу»[8], «неутомимыми поборниками Севера»[9], «ратоборцами за Север»[10], «стражами интересов Севера России»[11], «северянами»[12] или даже «северными умами»[13].

---

[1] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 64.

[2] Цит. по: *Зенов П. М.* Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов Севера России. Пг., 1916. С. 14.

[3] *Визе В. Ю.* Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследования. М.; Л., 1948. С. 142.

[4] *Омельчук А. К.* Зов Арктики. Свердловск, 1980. С. 94–100.

[5] *Латкин В. Н.* По вопросу о содействии и поощрениях для развития русского торгового флота // Беседы о Севере России в 3 Отделении Императорского Вольного экономического общества по докладам: В. Л. Долинского (1, 4, 5 и 6-й); В. Н. Латкина (2-й) и М. К. Сидорова (3-й). СПб., 1867. С. 86.

[6] *Сидоров М. К.* Труды для ознакомления с Севером России. СПб., 1882. С. 126.

[7] *Долинский В. Л.* О судостроении в Северном крае и о возможности образовать русский торговый флот // Беседы о Севере России в 3 Отделении Императорского Вольного экономического общества по докладам: В. Л. Долинского (1, 4, 5 и 6-й); В. Н. Латкина (2-й) и М. К. Сидорова (3-й). СПб., 1867. С. 40.

[8] *Шавров Н. А.* Несколько данных о жизни и деятельности знаменитого русского патриота и деятеля Севера Михаила Константиновича Сидорова // Памяти Михаила Константиновича Сидорова: С его портретом. М., 1889. С. 9; *Макаров С. О.* «Ермак» во льдах. Описание постройки и плавания ледокола «Ермак» и свод научных материалов, собранных в плавании. СПб., 1901. С. 104.

[9] Цит. по: *Богданов И. А.* Петербургская фамилия: Латкины. СПб., 2002. С. 81.

[10] *Жилинский А. А.* Крайний Север Европейской России: Архангельская губерния. Пг., 1919. С. 244.

[11] *Зенов П. М.* Памяти архангельского гражданина. С. 16.

[12] Хроника // Морская газета «Яхта». 1877. 5 февраля. № 6. С. 3.

[13] *Жилинский А. А.* Россия на севере: (К описанию жизни и деятельности М. К. Сидорова). Архангельск, 1918. С. 3.

Все прожекты «ревнителей Севера», направленные на промысловое освоение северных «окраин» страны, получили импульс от Печорских экспедиций В. Н. Латкина 1840 и 1843 годов. В 1858 году В. Н. Латкин вложил все свое добытое на сибирских золотых приисках состояние в созданную им вместе с П. И. Крузенштерном Печорско-Обскую компанию «для торговли лесом за границу». В 1864 году М. К. Сидоров, также преуспевший в золотодобыче и ставший к этому времени зятем В. Н. Латкина, выкупил оказавшуюся на краю банкротства Печорско-Обскую компанию, но не смог ее спасти. В 1869 году М. К. Сидоров добился Высочайше утвержденной привилегии на организацию экспедиций для открытия пути через Ледовитый океан в устья Оби и Енисея и на образование торгово-промышленной компании после того, как в устье одной из упомянутых рек придет первое судно. Предоставленная М. К. Сидорову Высочайшим рескриптом зона деятельности простиралась «от Карских ворот до устьев Енисея включительно и в Карском море». Однако первые зафрахтованные корабли достигли устьев сибирских рек, когда срок действия привилегии уже истек. В последние годы жизни М. К. Сидоров безуспешно пытался создать частно-государственную промысловую Северную компанию. Она проектировалась им по лекалам Беломорской торговой компании и Российской Американской компании. Целью «Северной компании» была колонизация «подполюсной страны» (выражение М. К. Сидорова[1]). Надо сказать, что «ревнители Севера» никогда не стеснялись слова «колонизация», наоборот — они сами, их сторонники и их последователи вплоть до раннесоветского периода включительно поднимали его на щит[2]. Не будем забывать,

[1] *Сидоров М. К.* Проект купца Сидорова о заселении Севера Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири. Тобольск, 1864. С. 12.

[2] Образованный в 1924 году Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера) противопоставлял «эксплуататорской» дореволюционной колонизации Крайнего Севера новый подход — промысловую колонизацию, которая должна была превратить индигенное население в поставщиков сырья на северные индустриальные предприятия. *Стась И. Н.* Советская колонизация Арктики: государственная этнография и «туземный пролетариат» в экономических стратегиях развития Крайнего Севера (середина 1920-х — конец 1930-х гг.) // Ab Imperio. 2021. № 1. С. 96.

что в духе «прогрессивного» XIX века колонизация воспринималась как исключительно положительное и даже героическое явление. Освоение колонистами «бесхозных» земель расценивалось как их бесценный вклад в дело строительства модерных наций и в прогресс для всего человечества[1]. На практике колонизация во многом была игрой воображений, конструированием культурных различий, производством социальных иерархий и дистанций, в пределе — прямым физическим насилием[2]. Иначе говоря, «всегда озабоченная территорией, колонизация делалась людьми и над людьми»[3]. В отличие от современных авторов, пытающихся представить русский опыт колонизации Белого поморья и Сибири как комплементарный интересам их индигенного населения[4], русские первопроходцы со времен Московского царства и до времен покорения Маньчжурии никогда не скрывали, что отправлялись за тридевять земель «ради наживы и царя»[5]. При этом «замирение» коренных жителей Крайнего Севера, их «перевоспитание», а в некоторых случаях и русификация были важнейшими задачами в деле колонизации российской арктической периферии. Зарубежный колониальный опыт ни только не отвергался, но, напротив, служил ориентиром. Так, «ревнители Севера» неоднократно призывали брать пример с «английской Ост-Индской компании», впрочем, как заявляли они, исключительно для

---

[1] *Osterhammel J.* The Transformation of the World a Global History of the Nineteenth Century. Princeton, 2015. P. 328–330.

[2] *Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И.* Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 6–50; *Слезкин Ю.* Арктические зеркала.

[3] *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Александр Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2013. С. 22.

[4] *Павлинская Л.Р.* Особенности русской колонизации Сибири (XVII — начало XVIII в.). Вместо предисловия // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.): Сб. науч. ст. / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб., 2014. С. 3–67; *Власова И.В.* Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. М., 2015; *Вершинин Е.В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018.

[5] *Монахан Э.* Сибирские купцы: торговля в Евразии раннего Нового времени / Пер. с англ. А. Терещенко; науч. ред. Н. Суворова. М., 2024. С. 58–111.

того, чтобы бороться с иностранными колонизаторами Севера России их же оружием.

Пережив своего наставника, компаньона и тестя на двадцать лет, М.К. Сидоров скончался, как и В.Н. Латкин, банкротом, обремененным долгами и судебными тяжбами. Сторонники В.Н. Латкина и М.К. Сидорова часто описывали их как героев-первопроходцев, совершенно лишенных «эгоистических мотивов»[1]. Такая героизация, несомненно, неординарных личностей во многом упрощает их образы. В действительности они, как многие яркие персоны, были сотканы из противоречий. Конечно, они были мечтателями, одаренными безграничным воображением. Большинством современников они воспринимались как чудаки на грани безумия. Но они не были безумными, они были дерзновенными, как говорил Санчо Панса о своем господине. Впрочем, не верно было бы видеть в них и Дон Кихотов. Все их действия строились на коммерческих расчетах, они ясно осознавали свою выгоду и до самого конца надеялись на успех. В этом отношении они были типичными представителями того коммерческого активизма, обратить внимание на который призывает Эрика Монахан[2]. Необходимо лишь добавить, что не менее активно и, пожалуй, более успешно В.Н. Латкин и М.К. Сидоров действовали на общественном поприще.

Они активно использовали зародившуюся уже в первой половине XIX века и достигшую расцвета во второй — в эпоху Великих реформ — публичную сферу[3]. Выведенные из ведомственных кулуаров на арену общественных ристалищ, прожекты «ревнителей Севера» неизбежно приобретали признаки политических манифестов, а сами «ревнители» — черты общественных деятелей. В 1860-х годах В.Н. Латкин и М.К. Сидоров бросили все силы на то, чтобы заинтересовать своими прожектами высшую имперскую бюрократию, деловые круги и общественность, найти сторонников, сформировать вокруг себя солидарную сеть. Поскольку речь шла о мобилизации представителей

---

[1] *Студитский Ф.Д.* История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. Ч. 1. СПб., 1883. С. 75.

[2] *Монахан Э.* Сибирские купцы… С. 110–111.

[3] *Атнашев Т., Вайзер Т., Велижев М.* Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. М., 2021.

различных общественных слоев, общим знаменателем служили «русские интересы». На практике это выражалось в переводе содержания прожектов с *делового* языка на *национальный*, который в рассматриваемый период только формировался во всем своем многообразии, со всеми присущими ему противоречиями, в том числе как продукт пропагандистских кампаний, подобных тем, которые вели В. Н. Латкин и М. К. Сидоров. Выражаясь языком глобальной истории, «ревнители Севера» пытались решить вопрос о режиме территориальности, то есть об отношениях между нацией и государством, населением и инфраструктурой, территорией и глобальным порядком[1]. Путем проб и ошибок они изобретали *национализирующие* критерии различения своих сторонников и противников; риторические способы консолидации первых и дискредитации вторых; аргументы в пользу всесторонней поддержки своих прожектов. Таким образом «ревнители Севера» вырабатывали новый политический язык как набор определенных идиом, риторик, грамматик и категорий[2]. Как всякий политический язык, он развивался в дискуссиях о политическом: истории, политической экономии, международных отношениях и праве[3]. И, как всякий политический язык, являлся инструментом рационализации и конструирования реальности.

Представить нечто как национальное означало отделить его от политического, экономического, сословного и т. д., что в условиях тесного переплетения политического и географического воображения с частными коммерческими интересами, проблемами подданства и групповой солидарности было крайне сложной задачей. Ключевой вопрос нашего исследования состоит в выяснении того, как эта задача решалась «ревнителями Севера» в рамках их предпринимательской деятельности и сопровождавшей ее развернутой ими же общественно-политической кампании за промышленное освоение имперской северной периферии

---

[1] *Конрад С.* Что такое глобальная история? М., 2018. С. 162.

[2] *Покок Д. Г. А.* The State of the Art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 150, 179.

[3] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law: English Historical Thought in the Seventeenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

в 1840–1870-х. Ответ на этот вопрос требует комплексного подхода. Занимаясь продвижением и реализацией своих прожектов в эпоху трансформации европейского общества, В. Н. Латкин и М. К. Сидоров стремительно перемещались в географическом и социальном пространствах, попадая то на аудиенцию к цесаревичу, то на Всемирную выставку в Лондоне, то под суд, то на собрание ИВЭО, то на мели в устьях Печоры, Оби или Енисея. Всякий раз им приходилось адаптироваться к новым контекстам и ситуациям, приписывая себя в зависимости от обстоятельств к разным группам, — так, например, М. К. Сидоров неоднократно по своему выбору вступал в купеческое сословие и покидал его, — выстраивая таким образом из множества граней свои социальные персоны. Поэтому для изучения жизни и трудов «ревнителей Севера» мы выбираем интерсекциональную оптику и инструментарий аналитического конструктивизма, что дает нам возможность исследовать их деятельность в контексте позднеимперского несистемного многообразия[1] как сложных субъектов, несводимых к какой-либо одной из их социальных ролей — предпринимателей, путешественников или публицистов.

Именно в конструктивистском ключе мы говорим и об изобретении «ревнителями Севера» Северного морского пути. Одно из важнейших современных исследований по истории его открытия и освоения называется «From Northeast Passage to Northern Sea Route»[2] — от Северо-Восточного прохода к Северному морскому пути. Для того чтобы этот переход — от некоей географической данности к «исторически сложившейся национальной единой транспортной коммуникации России в Арктике»[3] — осу-

---

[1] Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / Под ред. И. Герасимова. Казань, 2001; *Герасимов И., Глебов С., Кусбер Я., Могильнер М., Семенов А.* Новая имперская история и вызовы империи // Ab Imperio. 2010. № 1. С. 19–52; *Gerasimov I., Glebov S., Mogilner M.* Speaking Economic in the Imperial Situation // Ab Imperio. 2020. № 2. P. 29–40.

[2] *Nielsen J. P., Goncharov A. Ye., Krasnikova O. A.* From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia / Ed. by Jens Petter Nielsen and Edwin Okhuizen. Boston; Leiden, 2022. P. 179–268.

[3] Федеральный закон от 31 июля 1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» // Собрание законов Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3833.

ществился, потребовались не только корабли, полярные станции, новые порты, базы снабжения и так дальше, но и воображение. В первую очередь воображение! В этой сфере, не менее конкурентной, чем сферы торговли или политики[1], «ревнители Севера» добились впечатляющих успехов. Преследуя свои собственные деловые интересы, они постепенно сформулировали идею Северного морского пути, сделали ее — тогда еще не реализованную практически — частью национального воображения, нанесли на карту Севера России казавшийся в то время едва ли возможным маршрут. Сегодня российские средства массовой информации, даже не подозревая о том, говорят о Северном морском пути языком В. Н. Латкина и М. К. Сидорова. Мы постараемся показать, как этот язык возник, выяснить, на каких предпосылках и из каких элементов сложился образ Северного морского пути, выявить связь географического воображения с вопросами экономического развития страны и актуальной общественно-политической повесткой второй половины XIX века.

II

> Мне представлялось невозможным и противным всякому доброму обычаю, чтобы для такого отличного рыцаря не достало какого-нибудь мудреца, который бы взял на себя труд описать подвиги его, никогда еще не виданные.
>
> *Мигель Сервантес Сааведра.*
> Дон Кихот Ламанчский. Том первый /
> Пер. с исп. К. Масальского. СПб., 1838. С. 84

В. Н. Латкин и М. К. Сидоров относятся к числу тех людей, про которых с полным основанием можно сказать, что они сделали себя сами (впрочем, следует добавить — и сами себя погубили, то есть разорили). Оба происходили из купеческой среды, но принадлежали к самому низшему ее слою, постоянно балансировавшему между достатком и бедностью. Ни один из них не получил от родителей сколь бы то ни было значимых средств, необходимых для продолжения семейного или начала

[1] Нет Севера, а есть Севера́: О многообразии понятия «Север» в Норвегии и России / Под ред. К. А. Мюклебуст, Й. П. Нильсена, В. В. Тевлиной и А. А. Комарова. М., 2016.

собственного дела. Оба были самоучками и неутомимыми тружениками. Коротко говоря, и В. Н. Латкин, и М. К. Сидоров сколотили свои состояния самостоятельно, практически с нуля, благодаря своим талантам, упорству, а иногда и не всегда законной предпринимательской хитрости[1]. В 1860-х годах ступив ради продвижения своих прожектов на стезю общественной деятельности, они проявили себя в качестве изобретательных пиарщиков. В. Н. Латкин и М. К. Сидоров использовали все доступные им общественные институты — от печати до разнообразных предпринимательских и научных объединений, — чтобы донести свои идеи по «оживлению» Севера России до широкой публики. Современники отмечали их небывалую страстность: «Первая и последняя мысль всей его жизни было — осуществить надежды и желания печорского населения [по возрождению местных промыслов]», — писал в некрологе В. Н. Латкина в 1867 году почетный член ИВЭО С. С. Лашкарев[2]. В. Н. Латкин и в еще большей мере М. К. Сидоров прославились также и как меценаты. В частности, М. К. Сидоров жертвовал солидные суммы на призрение сирот и народное образование, в том числе на Сибирский университет, что выделяло «ревнителей Севера» из основной массы российского купечества того времени, предпочитавшего жертвовать на строительство храмов, и способствовало — совершенно заслуженно — формированию имиджа В. Н. Латкина и М. К. Сидорова как современных, прогрессивных предпринимателей. Таким образом В. Н. Латкин и М. К. Сидоров приобретали репутацию, связи и даже некоторые средства для воплощения своих идей.

---

[1] «Купцы следовали двум разным этикам: одна — осуществление предпринимательства в границах закона, другая — „ради капитала не грех переступить через закон“». *Ушакова О. В.* Предпринимательство и деловая этика купечества: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2005. С. 26. Т. Г. Яковлева приходит к выводу, что в пореформенной России тактики предпринимателей в отношении закона были сложнее бинарной оппозиции «соблюдать — нарушать», предприниматели следовали принципу «достаточного» соблюдения требований, заключавшемуся в выполнении определенного минимума правил. *Яковлева Т. Г.* Торговля по правилам и без. Власть и торговцы в Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 2021. С. 420. Принципу «достаточного» соблюдения правил следовали и В. Н. Латкин, и М. К. Сидоров.

[2] *Лашкарев С.* В. Н. Латкин и Печорская компания // Голос. 1867. 23 декабря. С. 4.

Важно заметить, что, рассказывая о своих северных прожектах, о своих успехах (которых было не так много) и о своих неудачах (которые преследовали их на каждом шагу), В. Н. Латкин и М. К. Сидоров рассказывали о себе. Другими словами, их биографии — приукрашенные, романтизированные, в некоторых отношениях сознательно пересобранные заново — были значимой частью их пиар-кампании. Упрекать их за это ни в коем случае нельзя — так поступали и поступают все предприниматели, особенно такие, как В. Н. Латкин и М. К. Сидоров, self-made men and self-promoters, поскольку их биографии являются ценным символическим ресурсом для их деятельности. Проблема заключается в том, что со временем парадные биографии В. Н. Латкина и М. К. Сидорова, рассказанные ими самими, стали главным источником для их первых биографов (что неудивительно, так как те были страстными апологетами «ревнителей Севера»), а труды первых биографов — главным источником для последующих поколений историков (что уже настораживает, особенно когда видишь в научных публикациях некритично воспроизводящийся из десятилетие в десятилетие, мягко говоря, не лишенный лукавства сидоровский нарратив о самом себе). М. К. Сидоров был главным мифотворцем истории «ревнителей Севера». В 1882 году он издал в Санкт-Петербурге «Труды для ознакомления с Севером России М. Сидорова», в предисловии к которым написал: «Рассмотрев свою деятельность, я с прискорбием должен сказать, что в течение 20 лет не встречал себе содействия; администрация мне противодействовала, хотя я и не просил ни привилегий, ни пособий. Но чем сильнее было ее противодействие, тем настойчивее старался я достигнуть своей цели и не останавливался ни перед какими пожертвованиями»[1]. Уже в этих первых словах М. К. Сидоров исказил очевидные факты. Как будет показано ниже на основе архивных и опубликованных источников, он постоянно выпрашивал себе у правительства привилегии и пособия. Единственное, что не вызывает сомнения в приведенной цитате, — это свидетельство М. К. Сидорова о его упорстве и безграничном расходовании личных средств (обернувшемся неподъемными

[1] *Сидоров М. К.* Труды. С. 1.

Газета «Содействие русской торговле и промышленности», 1868 год

долгами) в деле реализации его северных прожектов. Вместе с тем для биографов М. К. Сидорова трехсотстраничный том его «Трудов для ознакомления с Севером России» оказался настоящим кладезем. Это было своего рода портфолио М. К. Сидорова как предпринимателя, исследователя Севера России и мецената. В него вошли подробные отчеты об участии М. К. Сидорова в российских и международных экономических и научных выставках; были названы все (19 «русских» и 6 «иностранных») «ученые и благотворительные общества, удостоившие меня [М. К. Сидорова] принятием в свои члены и наградами»; перечислены все пожертвования М. К. Сидорова на научные исследования, географо-геологические изыскания; а также собраны все хвалебные высказывания известных государственных и общественных деятелей, российских и зарубежных ученых и путешественников о М. К. Сидорове.

В 1883 году ближайший сотрудник М. К. Сидорова на поприще изучения Севера России и пропаганды его промышленного освоения, известный педагог, автор популярных учебников по географии России, сотрудник газеты «Содействие русской торговле и промышленности» и делопроизводитель Санкт-Петербургского отделения ОДСРТМ Ф. Д. Студитский издал двухтомный труд «История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива», в первом томе которого представил «подробное описание трудов [М. К. Сидорова] и других лиц по открытию прямого морского пути в устья сибирских рек», а во втором — материалы «со всеми документами

и со всей перепиской по этому делу»[1]. Вплоть до сегодняшнего дня ни одна серьезная статья или монография по истории Северного морского пути не обходится без ссылки на эту работу. Важно заметить, что стимулом к ее написанию послужили открытие в 1874–1875 годах морского пути в Сибирь Дж. Виггинсом и А.Э. Норденшельдом и первый в истории успешный проход вдоль северного побережья Европы и Азии из Атлантического океана в Тихий океан, осуществленный А.Э. Норденшельдом в 1878–1879 годах. С одной стороны, российские власть и публика искренне приветствовали открывателей, воздавая должное их мужеству и мастерству, с другой стороны, к радости примешивалось чувство досады оттого, что путь через «наш» Северный Ледовитый океан был открыт иностранцами. Ф.Д. Студитский решил написать свой труд, «желая доказать, что и русские принимали участие в открытии морского пути в устья сибирских рек, и что они были главными деятелями в этом деле»[2]. Фактически вся книга Ф.Д. Студитского посвящалась одному М.К. Сидорову, его биография отождествлялась с историей открытия морского пути в Сибирь. При этом М.К. Сидоров изображался как подвижник-одиночка, который вопреки мнению авторитетных ученых мужей «всеми силами и средствами старался доказать возможность прохода по Карскому морю», но

> в своем отечестве М. Сидоров не встречал содействия; напротив, все его проекты считались фантазиями, и старались остановить мечтателя, который разорял себя — и, без сомнения, разорит и других для осуществления своей мечты… Для распространения мысли о возможности прохода морем из Европы в Обь и Енисей, М. Сидорову нужно было употребить много трудов и средств… По открытии же морского пути в Енисей оказали должное внимание в нашем отечестве тем иностранцам, которые были исполнителями его [М. Сидорова] идеи[3].

Ф.Д. Студитский прямо утверждал, что если бы М.К. Сидоров получил своевременно поддержку российских научных

---

[1] *Студитский Ф.Д.* История открытия морского пути. Ч. 1. С. IV.

[2] Там же. С. III.

[3] Там же.

и деловых кругов, то морской путь в Сибирь был бы открыт им уже в 1860-х годах без участия иностранцев. В итоге М. К. Сидоров представал как трагическая фигура с чертами агиографического персонажа: неуслышанный пророк, из «ревности» к освоению Севера России пожертвовавший на это дело все свое состояние и не извлекший из того никакой личной выгоды, он заложил основы современного арктического мореплавания, иначе говоря — принес отечеству и потомкам безвозмездный дар своих трудов ценою собственного разорения. «Стяжательство вовсе отсутствовало в его натуре», — писал о М. К. Сидорове уже после его смерти, последовавшей в 1887 году, «горячий его почитатель»[1] член ОДСРТМ отставной генерал-майор и публицист Н. А. Шавров[2]:

> В продолжительную мою жизнь мне не случалось встречать человека, одаренного такою сердечною, поистине евангельскою добротою и скромностью. Он делал благодеяния направо и налево, не замечая, какою рукою раздает их, и крайне конфузился, если кто-нибудь замечал это или благодарил его за сделанное добро. Михаил Константинович просто не понимал, как это можно пропустить случай сделать добро, оказать услугу, вывести из беды ближнего и руководствовался

---

[1] *Нос А.* [Михаил Константинович Сидоров] // Памяти Михаила Константиновича Сидорова: С его портретом. М., 1889. С. II.

[2] Шавров Николай Александрович (1826–1899) — экономист, журналист, общественный деятель, генерал-майор. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Главное инженерное училище. С конца 1840-х годов — заведующий инженерной частью при военном генерал-губернаторе г. Кутаиси, с 1854 года — инспектор работ военно-инженерного управления Кавказской армии, разработчик проекта устройства и строитель (1863–1873) Потийского порта; с 1875 — в отставке; в 1876–1878 — издатель газет «Биржа» и «Наш век»; в 1878–1881 — чиновник Главного управления Кавказским краем, управляющий Кавказским коннозаводским округом; в 1884–1891 — главный сотрудник газеты «Кавказ». Автор работ по финансовым, экономическим и торговым вопросам «Об экономическом состоянии России и мерах к его улучшению» (1882), «О причинах падения курса кредитного рубля» (1884), «О сравнительном значении Черного и Каспийского морей», «О значении русского торгового мореходства» (1886) и др. Путешественник по Кольскому полуострову (1898). Автор работ, посвященных Мурману, в которых предлагал построить железную дорогу на Мурман, торговый и военный порт, развить пароходное сообщение. Член ОДСРТМ (1891). Кольская энциклопедия: В 5 т. Т. 5. У–Я / Гл. ред. В. П. Петров. Мурманск, 2016.

> убеждением, что человеку даются силы и средства только за тем, чтобы помогать другим. *Друг друга тяготы носите* — было для него не принципом только, а ежедневною практикою, самым процессом жизни[1].

В этом и других подобных свидетельствах сторонников М. К. Сидорова нельзя не заметить, сколь сильное впечатление производила на них личность известного «ревнителя Севера» — человека, несомненно, харизматичного, умевшего на разных публиках представлять себя в самом выгодном свете. Компаньоны и наемные работники М. К. Сидорова, годами судившиеся с ним, чтобы взыскать с предпринимателя положенные им по контрактам доли и вознаграждения, вряд ли согласились бы с оценкой Н. А. Шаврова. Но многочисленные истцы, кредиторы, идейные противники и критики М. К. Сидорова не составляли его жизнеописаний. Нарратив о М. К. Сидорове как пророке, подвижнике, предпринимателе-бессребренике формировался им самим и его сторонниками. Поэтому действительно неординарная жизнь М. К. Сидорова была уже в первых, посвященных ему сочинениях уплощена до идеологически мотивированной апологетики. Примечательно и то, что, хотя, как уже было отмечено выше и будет подробно раскрыто ниже, основоположником идеологемы «ревности о Севере» и создателем первого практического дела «ревнителей» — Печорско-Обской компании — был В. Н. Латкин, в 1880-х годах в сочинениях Ф. Д. Студитского, Н. А. Шаврова и других панегиристов «деятелей Севера» он отошел на второй план и упоминался лишь как «товарищ М. К. Сидорова»[2].

В 1880–1890-х годах образ М. К. Сидорова был дополнен новыми чертами. В некрологах и ряде посвященных его памяти публикаций, в частности в сборнике докладов и материалов ОДСРТМ «Памяти Михаила Константиновича Сидорова», изданном в Москве в 1889 году, предприниматель прославлялся в первую очередь за «высоко-патриотическую деятельность»[3]. Авторами такого рода текстов были в основном те почитатели

---

[1] *Шавров Н. А.* Несколько данных… С. 29.

[2] Там же. С. 1, 5.

[3] Там же. С. 11.

М. К. Сидорова, которые ближе всего восприняли перенятый им от В. Н. Латкина тезис об «иностранном заговоре» против Севера России как главной причине экономической и хозяйственной отсталости последнего (см. главу 5). Для увлеченных новомодными идеями русского национализма публицистов последнего десятилетия XIX века главной заслугой М. К. Сидорова было «разоблачение» им тайных происков врагов Отечества:

> Заброшенное положение Севера вызывало особую энергию в М. К. Сидорове, так как он видел на практике, что причиною этого положения только *незнание и интриги враждебных России сил*, а потому поставил себе задачею разъяснить истину, доказать Правительству и общественному мнению, что искусственно закрываемые великие богатства северных областей могут доставить громадные ресурсы величию и благосостоянию России, если правда будет доведена до Верховного Руководителя судьбами нашего Отечества и сочиняемые врагами его затруднения будут устранены… Север России был совершенно заброшен не вследствие его бесполезности, а вследствие иностранной политической интриги, которая действовала систематически тайно и явно[1].

Иначе говоря, на рубеже XIX–XX веков фигура М. К. Сидорова и его тексты были присвоены русскими националистами. Именно они подняли предпринимателя на щит как «стража интересов Севера России»[2], как народного трибуна, на собственном опыте пришедшего к «главному основному убеждению, проходившему белою ниткою через всю его практическую деятельность — к необходимости предохранить Север от захвата его иностранцами, к необходимости предоставить настоящим хозяевам страны — русским — все выгоды промышленности этого края»[3]. Со свойственным националистическим публицистам алармизмом морской инженер и правый публицист В. Н. Семенкович писал в своем памфлете 1894 года. «Север России в военно-морском и коммерческом отношениях»: «…такие пионеры Севера, как Сидоров М.К… — не забудутся потомством, и их патриотические деяния,

---

[1] *Шавров Н. А.* Несколько данных… С. 10–11.

[2] *Зенов П. М.* Памяти архангельского гражданина. С. 16.

[3] *Нос А.* [Михаил Константинович Сидоров]. С. II.

их пророческие слова должны быть оценены, и не их вина, если нам или нашим потомкам придется горько раскаиваться, что слова их не были приняты во внимание *в свое время…*»[1] В таком же ключе В. Н. Латкина и М. К. Сидорова воспринимал такой же, как и они, страстный «ревнитель Севера», известный военно-морской деятель, полярный исследователь, один из создателей ледокола «Ермак» вице-адмирал С. О. Макаров[2].

Образ М. К. Сидорова — защитника Севера России от «происков иностранцев» был окончательно закреплен в конце 1910-х годов в изданном в Петрограде в 1916 году Морским министерством сочинении П. М. Зенова «Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов Севера. К столетию со дня его рождения» и в опубликованном в Архангельске в 1918 году Комитетом по увековечиванию памяти М. К. Сидорова сочинении А. А. Жилинского «Россия на Севере: (К описанию жизни и деятельности М. К. Сидорова)». В то время, когда военные и революционные потрясения создали новые обстоятельства развития Севера России, идеологема «ревности о Севере» была воспринята как «воплощение здравого разума России, ее забитой окружающими условиями воли и стремлений к новой жизни»[3]. Хотя оба упомянутых автора призывали готовиться к юбилею М. К. Сидорова, чтобы увековечить его память, — в частности, речь шла о сборе средств «на сооружение этому забытому доблестному русскому патриоту памятника в Архангельске и устройство в Петрограде музея его имени»[4] — в их сочинениях не было никаких новых данных о жизни и деятельности первых «ревнителей Севера», они полностью воспроизводили фактологию и оценочные суждения апологетов М. К. Сидорова 1880-х годов.

---

[1] *Семенкович В. Н.* Север России в военно-морском и коммерческом отношениях. М., 1894. С. 26.

[2] *Макаров С. О.* Отчет вице-адмирала Макарова об осмотре им летом 1897 года, по поручению министра финансов С. Ю. Витте, морского пути на реки Обь и Енисей. СПб., 1898. С. 12; *Макаров С. О.* «Ермак» во льдах… С. 104–105.

[3] *Жилинский А. А.* Россия на севере. С. 3. Ср.: *Попов А. Н.* Памяти М. К. Сидорова // Журнал коллекционеров и корреспондентов Крайнего Севера. 1918. № 7–10. С. 1–2.

[4] *Зенов П. М.* Памяти архангельского гражданина. С. 15.